

А. Буйвицка, Э.П. Литова, А. Михальска, В.П. Столбов

СОЦИАЛЬНО-СТРУКТУРНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ПРОМЫШЛЕННОМ ГОРОДЕ: ОТ ПРОСПЕРИТИ К ДЕПРЕССИИ (на примере текстильных центров Иванова и Лодзи)

Социально-структурные изменения в традиционных российских и польских промышленных городах с монокультурным характером экономики объективно обусловлены переходом к новой социально-экономической модели развития. Эти изменения характеризуются резкой поляризацией в городских социумах, образованием «социально-территориальных обручей», активной миграцией интеллектуального трудоспособного населения, преобразованием промышленной среды в обслуживающую сферу. Будущее этих городов связано с активной политикой привлечения инвестиционных ресурсов и социальной стабилизацией общества в них.

Введение

Глобализация, ускоряющая процесс вхождения постсоциалистических стран Центральной и Восточной Европы в рыночные отношения и способствующая переконструкции социально-экономического уклада в них, обуславливает изменения социально-пространственной структуры в городах, системы связей и отношений между их жителями. Эти изменения происходят и вследствие прогресса современных технологий, и сильно продвинувшегося вперед разделения труда, что, в свою очередь, также влияет на социально-хозяйственную жизнь городов. Некоторые города, в основном, столичные, превратились в крупные центры кумуляции капитала, распределения и потребления благ, и, таким образом, они олицетворяют и стимулируют процесс глобализации. В других городах, занимавших периферийное положение, вследствие доминирования в них монокультурного экономического развития наблюдается падение значения традиционных промышленных производств или их деградация, что существенным образом меняет жизнь города и людей в нем (Starosta 2000).

Такие изменения наблюдаются в текстильных городах России и Польши, что объективно вызвало необходимость проследить динамику этих изменений, их вли-

яние на социально-пространственную жизнь города. В данном исследовании в качестве объекта выбраны бывшие центры текстильной промышленности — города Иваново (Россия) и Лодзь (Польша). Схожесть историко-экономического развития этих городов в дореволюционное время и в период социалистических преобразований (нередко эти города называли «города-побратимы») также повлияла на выбор их в качестве объекта исследования. Группа социологов из России и Польши провела исследование изменений социально-пространственной жизни городов, которые нашли своеобразное отражение в сознании и мнениях респондентов — жителей Иванова и Лодзи. Результаты эмпирических исследований, полученные в рамках проектов «**Структура и обусловленности общественных связей в периферийных городах Центральной и Восточной Европы в эпоху глобализации**», «**Социальный капитал и его экономическая база**» учеными кафедры социологии Wsie i Miasta (деревни и города) Института социологии Лодзинского университета (Польша) и кафедры социально-экономических теорий Ивановского государственного химико-технологического университета (Россия), касаются только городов Иваново и Лодзь. Все данные были получены на основе интервью, проведенных среди жителей города Лодзи в 2002 г. (выборку и группировку сделал М. Фриковски, исследование проходило под руководством А. Михальска, А. Буйвицка), в котором приняло участие 797 респондентов (в среднем каждый тысячный житель Лодзи дал интервью). В городе Иванове исследования проводились в 2005 г. (выборку и группировку по районам города осуществляли В.П. Столбов и Э.П. Литова), было проведено более 500 интервью (каждый тысячный житель города Иванова). Анкета в обоих случаях содержала более ста вопросов. На основе данных опроса, общедоступных публикаций, опираясь на мнения жителей Иванова и Лодзи, дана характеристика облика постсоциалистического города и показаны социально-экономические, демографические процессы, протекающие в нем на фоне глобализации.

История социально-экономического развития Иванова и Лодзи

История обоих городов совпадает по хронологии. В качестве места поселения они известны с XIV–XVI вв. Административно-территориальная форма общности людей характеризовалась для Иванова и Лодзи как сельская община. Сведения об экономической жизни поселений имеются уже со второй половины XVI в. Село Иваново упоминается в связи с жалобой жителей города Шуи царю Ивану Васильевичу «Грозному» на разбойный промысел ивановцев, «не позволявших проезду шуйских торговцев на ярмарку в их село». Имеются также исторические сведения о том, что в середине XVI в. Иваново числилось в качестве черного государева села, затем оно было передано князьям Шуйским, а 1638 г. — князьям Черкасским. В этих сведениях упоминается также ремесленный ткацкий промысел жителей села (Экземплярский 1958). Информация касательно местечка Лодзь относится к 1332 г., и до 1793 г. оно упоминается лишь как поселение, в котором люди занимались хлебопашеством; количество жителей местечка людей тогда насчитывало 190 чел. (Энциклопедический словарь... 1892).

В XVII–XVIII вв. информация о селе Иванове и местечке Лодзь расширяется. Известность селу Иваново принесли промыслы, холщовый и набойный (нане-

сение орнаментов на холсты). О текстильном промысле в селе Иваново знал Петр I, имеются сведения о том, что царь просил голландского предпринимателя Тамеса обустроить в селе мануфактуру по выработке парусного полотна и полотна для пошива солдатского обмундирования. Крестьянские мануфактуры появились в Иваново только в 1742 г., первой из них была мануфактура Г. Бутримова, позднее появились мануфактуры крестьян Грачева, Гарелина, Ямановского. На мануфактурах производились льняные холсты, фламское (голландское) полотно для солдатского обмундирования, каламенка для одежды и парусное полотно. Часть производимого полотна вывозилось в Англию. На одном из заседаний английской палаты общин отмечалось, что *«без русского полотна, ввозимого в Англию, бедные классы английского народа обойтись не могут, и что сырые материалы, получаемые из России, существенно необходимы для английского флота и английской торговли»* (Экземплярский 1958).

Социальный уклад в торгово-промысловом селе Иваново в XVII–XVIII вв., в отличие от уклада в местечке Лодзь, которое получило городские права в 1423 г., характеризовался чертами крепостнической вотчины, в которой переплетались черты феодально-крепостнических отношений с нарождавшимся капиталистическим укладом. До 1742 г. село считалось собственностью князей Черкасских, а в 1742 г. перешло новым собственникам, известному роду Шереметевых. Жители села, а их насчитывалось вместе с крестьянами окружающего деревень около 8 тыс. человек, являлись крепостными людьми вотчины. Со второй половины XVIII в. шереметевская вотчина стала постепенно терять черты крепостнической общины, что объяснялось развитием отхожим промыслом части крестьян в ней, а также торговым и ткацким предпринимательством. В ней можно было проследить развитие переходной формы от крепостнической мануфактуры к капиталистической форме отношений. Шереметевы способствовали этому развитию, понимая предпринимательскую деятельность крепостных крестьян как условие самовозрастания капитала вотчины. Торгово-промысловая деятельность крестьян позволяла им, несмотря на их крепостную зависимость, владеть довольно большим имуществом — землей, ткацкими станами и работниками (так, отец и сын Грачевы владели 3 тыс. десятин земли, 40 пустошами, 881 душами мужского и 2000 душами женского пола). Предприимчивые крестьяне широко развили торговлю ткацкими изделиями, обороты от которой достигали в середине XVIII в. от 2 до 5 тыс. рублей. На предприятиях «капиталистских» крепостных хозяев работало множество купленных ими крепостных крестьян, и число их все возрастало. Так, если в 1784 г. купленных крепостных было 416 душ, то уже к 1794 г. — 1200 душ (Кашин 1934; Шепетов 1949; Степанов 1928).

Как следствие развития торгово-промысловой деятельности в селе Иваново у части ее жителей накопились большие капиталы. С одной стороны, они стремились использовать их, чтобы выкупиться на волю и записаться в гильдию купцов. Накоплению богатства способствовало также и религиозное сознание крепостных крестьян. В селе Иваново множество крестьян принадлежало к старообрядческой общине, требующей от своих членов рационального подхода в своей деятельности, бережливости и накопительства. Недаром российское старообрядчество иногда называют «местным течением протестантизма», т. к. его этика во многом соответствовала религиозной этике европейского протестантизма. Ше-

реметевы, по всей вероятности, толерантно относились к конфессиональной принадлежности своих крепостных людей. Старообрядческие общины нередко способствовали освобождению крестьян от крепостной зависимости, они выдавали для этих целей кредиты (Грачевы выкупились на волю в 1795 г. за 135 тыс. руб. серебром, другие крепостные крестьяне выкупались за 20 тыс.) (Степанов 1928; Туган-Барановский 1994; Раскольники и острожники 1872).

Другой путь использования капиталов крепостными и освободившимися крестьянами села Иванова — их вложение в предпринимательство. Свою продукцию они сбывали легально, с разрешения вотчинной конторы, и нелегально, по доверенности знакомых купцов или тайно через их приказчиков, в крупных городах России. Таможенный Устав 1755 г. разрешал крестьянам вести только мелочную торговлю, но позднее, Указами от 1799 г., 1804 и 1806 гг. крестьянам разрешалось широко осуществлять и оптовую торговлю. Б.П. Шереметев, зная об этих торговых операциях своих крепостных крестьян, писал своим управляющим: *«надеюсь, нам от торгов будет не без прибытку»*. В самом селе Иванове раз в год проводилась ярмарка и два раза в неделю — торги, в воскресенье и четверг, причем число торговых лавок на этих торгах достигало 180 единиц (Шепетов 1949; Барышников 1994).

Просперити Иванова и Лодзи

Просперити сел Иванова и Лодзи приходится на XIX век. Важную роль в расцвете экономики Иванова сыграла война с Наполеоном 1812 г., когда на пути продвижения французской армии были разорены и сожжены текстильные мануфактуры подмосковного региона, а в пожаре Москвы 1812 г. сгорели московские текстильные мануфактуры. Для села Иванова наступил «золотой век» набоечного производства, при котором на рубль затрат прибыль составляла 500 %, набойщики без особого труда зарабатывали до 100 рублей ассигнациями в месяц. «В этот период обзавестись фабрикой не требовалось большого капитала, стоило приобрести 2–3 горшка, чтобы было в чем варить краску, да купить на целковый материалу — и фабрика пошла в ход; миткаль был свой, его ткали в каждой избе, таких фабрикантов и звали горшечниками» (Экземплярский 1958; Туган-Барановский 1994). В первой четверти XIX в. на предприятиях села стали широко использовать английскую бумажную пряжу. К 1825 г. в селе Иванове функционировало уже 125 крупных ситцепечатных и бумаготкацких фабрик. Потребности страны в текстильной продукции во многом удовлетворялись за счет производства на мануфактурах, размещенных в домах предприимчивых и освободившихся от крепостной зависимости крестьян и крепостных крестьян Шереметевской вотчины, жителей Вознесенского посада. На мануфактурах уже производились не только льняные, но и хлопчатобумажные ткани из привозной пряжи. В производстве применялись усовершенствованные приемы: ткачество при помощи челнока-самолета, крашение ситца прочным заварочным способом и др. В документах этого периода отмечалось, что село Иваново *«...может сравниться со знатными городами, каковы есть Ярославль и Калуга»*, в нем *«...выделявалось одних мануфактурных изделий на сумму до 7 млн. рублей»* (Гарелин 1878; Гарелин 1884–1885). Такому положению также способствовала протекционистская политика царизма по отношению к текстильному производству, изложенная в

Положении о тарифе 1822 г., и введение запрета на ввоз в Российскую империю текстильной продукции из-за границы (Барышников 1994).

Экономическое процветание села Иванова выразилось и в изменении заработков ткачей, особенно набойщиков. *«Набойщики, — по замечаниям «Владимирских губернских ведомостей», — были народом мысленным и грамотным, они знали письмо»*. В конце XVIII – начале XIX в. ткачи и набойщики на фабриках ивановских предпринимателей получали до 10 рублей в месяц (пуд муки в то время стоил 66–99 копеек), в середине XIX в. прядильщики — 20, ткачи — 7, помощники — 7,5, колористы от 83 до 416 рублей серебром в месяц. По замечанию Гакстгаузена, денежная (номинальная) и реальная зарплата у русских текстильщиков была выше, нежели в Германии (Туган-Барановский 1994).

Бурная предпринимательская деятельность в Лодзи началась в первой четверти XIX в. Толчком к началу предпринимательской деятельности можно рассматривать распространение положений Кодекса Наполеона 1804 г., поощрявшего всяческую коммерческую деятельность в тех странах, где проходила армия Наполеона, в том числе и в Польше. Однако переломным, по мнению польских историков, стал 1820 год, когда земли местечка были переданы в казну, а Лодзь объявлена фабричным городом, ввиду выгодного топографического положения и с целью развития местной промышленности. В это время количество жителей города составило 799 человек. В 1825 г. к городу было присоединено село Вулки и часть казенных лесов. На приобретенной территории было выстроено 7 фабричных корпусов, к суконному посаду добавился ткацкий, известный под названием *Lodka*, количество домов в городе многократно возросло (20150 домов). Позднее с городом слился Посад Балуты, и к концу 1895 г. число жителей в Лодзи насчитывало уже около 216 тыс. человек (Энциклопедический словарь... 1892).

История социально-экономического развития Лодзи в XIX в. своей быстротой напоминает путь экономического развития США. Важнейшую роль в становлении и функционировании промышленности города сыграли немецкий, еврейский, польский и русский капиталы. В политике российского правительства по отношению к Лодзи, находившейся в черте оседлости, наблюдалось либеральное отношение к еврейскому населению, что способствовало концентрации капитала евреев-предпринимателей в текстильном производстве. Важную роль в развитии промышленности города также сыграли немцы протестантского вероисповедания, которым не разрешили жить в районе Плоцка, и они переселились в Лодзь. Немаловажным фактором процветания города являлась ориентация текстильного производства на неограниченные рынки российского государства. Таким образом, промышленная Лодзь развивалась на основе межкультурного сотрудничества представителей польского, еврейского, немецкого и русского капиталов (Энциклопедический словарь... 1892).

Вследствие процветания Лодзь из поселения в несколько сотен жителей в начале XIX в. превратилась к 1914 г. в город с полумиллионным населением и текстильной промышленной доминантой. О развитии города в XIX в. свидетельствуют многочисленные здания крупных текстильных предприятий (памятником строгой производственной архитектуры второй половины XIX в. является фабрика И. Познанского), жилые районы текстильщиков (семейные дома рабочих, архи-

тектор W. Scheiblers); богатство лодзинских текстильных магнатов воплотилось в их дворцах в пышном стиле небарокко и неоренессанса XIX в., зданиях банков. В сознании рабочих город представлялся как «*złe miasto*» (злой город), его внешний облик был мрачным и неприветливым. Для предприимчивых людей с капиталом город воспринимался как *Ziemia Obiecana* (земля обетованная). Содержательную характеристику Лодзи в период его процветания дал писатель В.С. Роймонт в своем романе «*Ziemia obiecana*», который был экранизирован известным современным польским кинорежиссером А. Вайдой.

Процветание города Иваново-Вознесенска началось со второй половины XIX в. Это объяснялось, во-первых, объединением села Иваново с Вознесенским посадом в 1871 г., что положило начало развитию города. Во-вторых, механизацией ткачества начавшейся с 1861 г., когда вместо мануфактур и набойных изб появились механические ткацкие и отделочные фабрики. Повсеместное внедрение в текстильное производство машинной технологии способствовало наращиванию производства продукции для внутреннего рынка, а также прорыву иваново-вознесенских предпринимателей со своей продукцией на азиатские рынки. Этому также способствовало строительство в 1868 г. железнодорожной линии от села Иваново до станции Новки и соединение с железнодорожной магистралью Москва-Нижний Новгород и далее. Следствием этого этапа процветания являлся рост количества рабочих и объема промышленной продукции. Иваново-Вознесенск обгонял соседние губернские города — Владимир, Ярославль и Кострому. Предприимчивость людей с капиталом, выходцев из крепостных крестьян (старообрядцев по своему вероисповеданию), была двигателем развития этого текстильного центра страны. Внешне город был очень похож на текстильные центры других стран периода первоначального накопления капитала. Вот как выглядел в то время город по описаниям Я. Гарелина: «...на переднем плане река, по берегам которой в виде гирлянды тянется ряд фабрик, над ними постепенно поднимается город, ... выставляя местами высокие фабричные трубы вперемешку с крышами домов». По замечанию академика В. Безобразова, «город Иваново-Вознесенск был черным и грязным, лишенным каких-либо городских удобств» (Гарелин 1878; Гарелин 1884–1885; Безобразов 1864).

Лодзь и текстильные предприятия Центральной России на протяжении долгого времени конкурировали друг с другом. Первенство в техническом оснащении текстильных предприятий принадлежало Лодзи, чему способствовало использование немецкого капитала, более дешевого топлива и лучшей квалификации рабочей силы. Однако, несмотря на это, по мнению М.И. Туган-Барановского, текстильная промышленность Лодзи и Центральной России «представляли одно сердце и одну душу; польская сторона получала из Центра России металл, хлопок, кокс, шерсть; Россия из Польши — уголь, пряжу и машины». По качеству текстильная продукция Иваново-Вознесенска не уступала лодзинской, свидетельством чему являлись многочисленные грамоты и медали международных выставок и ярмарок, в которых участвовали иваново-вознесенские предприниматели (Туган-Барановский 1994).

XX век: от взлета к провалу

Второе индустриальное процветание Лодзи состоялось после Второй миро-

вой войны, когда в городе получили развитие машинная, электро-, энерго- и химическая индустрия, производство товаров народного потребления. Город превратился в крупный индустриальный и культурный центр Польши. В 1945 г. в Лодзи был открыт университет и ряд других высших учебных заведений, в настоящее время в городе функционирует 14 театров, в том числе, Большой театр, консерватория, филармония. Город имеет два выхода на железнодорожные магистрали страны, автобусное сообщение с Варшавой и другими административными центрами, аэропорт местного и международного значения, развитую инфраструктуру. Новые районы вынесены за черту старого города.

Социалистическое просперити Иваново-Вознесенска состоялось после 1917 г. в период реконструкции народного хозяйства во второй половине 1920-х — первой половине 1930-х гг., когда город превратился в строительную площадку нового социалистического уклада. «*Москва и Иваново строятся заново*», — писал В. Маяковский. Красная Иваново-Вознесенская губерния символизировала оплот советской власти, сам город планировалось превратить в крупный политический и культурный центр страны, в «*третью пролетарскую столицу*». В Иваново-Вознесенске был выстроен ряд крупных текстильных предприятий, прокладывались трамвайные пути, водопровод, закладывались новые жилые и административные здания в стиле неоклассицизма и конструктивизма, начал свою работу первый советский вуз — политехнический институт, в центре города на месте взорванного ансамбля церковей Покровского монастыря был возведен драматический театр, в котором нередко выступали представители политической элиты страны, в больших масштабах осуществлялось озеленение городской территории.

В 1932 г. Иваново-Вознесенск был переименован в город Иваново, и через тридцать лет он превратился в один из самых идеологизированных центров страны. Свидетельство тому — множество созданных в 1960–1970-е гг. мемориальных памятников, посвященных революциям 1905 и 1917 гг., а также проведение многочисленных культурно-зрелищных мероприятий: акции «Красная гвоздика», фестивалей патриотической песни, съездов победителей социалистического соревнования в текстильной промышленности. В город прибывали «поезда Дружбы» из Польши, организовывались торжественные встречи железнодорожных составов с новым урожаем хлопка из Узбекистана, и, как следствие, подписывались договора о сотрудничестве (например, «Договора тысячи» между текстильщиками). На предприятиях текстильного производства осуществлялась модернизация станочного парка, вследствие чего резко вырос объем производимой продукции. На текстильных предприятиях города Иванова производился каждый второй метр хлопчатобумажных тканей и четвертая часть других видов продукции текстильного производства страны.

Политическая идеология социалистической эпохи определяла Лодзь и Иваново «городами-побратимами», в публицистике тот и другой город нередко называли «красным Манчестером». Связи городов-побратимов Иванова и Лодзи вели к созданию определенных символов принадлежности революционному прошлому, историческим традициям, связанных с пролетарским движением и выступлениями в 1905 г. В память об этих событиях в Лодзи есть улица Революции 1905 г., в Иваново — Мемориал ивановских большевиков и другие памятни-

ки и музеи. Пролетарский интернационализм демонстрировался в форме тесных связей между коллективами текстильных предприятий обоих городов (в Иванове нередко можно было видеть делегации текстильщиков из Лодзи). Между городами происходил обмен художественно-творческими коллективами: в Иванове гастролировал симфонический оркестр Лодзи под управлением дирижера Чижа, солисты лодзинской Оперы выступали на сцене ивановского музыкального театра. В пионерском лагере «Чайка» ивановского камвольного комбината отдыхали дети текстильщиков из города-побратима. Получили развитие связи между высшими учебными заведениями обоих городов: студенты лодзинского университета проходили учебную практику по русскому языку в стенах ивановского химико-технологического университета, советские студенты участвовали в возведении Центра здоровья польской матери (Szpital-Pomnik Centrum Zdrowia Matki Polki) в Лодзи. В Лодзи до недавнего времени функционировал культурный центр «Иваново», в Иванове и в настоящее время действует культурно-развлекательный центр «Лодзь».

Внешний вид текстильных центров второй половины XX в. соответствовал образу и культуре физического промышленного труда, пролетарской культуры, складывался похожий ландшафт этих городов.

Конец 80-х и 90-е гг. XX столетия ознаменовались резким изменением политической и социально-экономической обстановки в обеих странах. В результате введения правил свободного рынка, массовой приватизации государственного имущества и либерализации экономической жизни города текстильные центры попали в ситуацию рецессии. Отрицательные социально-экономические процессы в этих городах (дефицит сырья для производства; отсутствие финансов и трудности в получении кредита; обвалные долгосрочные неоплачиваемые отпуска; снятие с баланса предприятий культурно-оздоровительных и детских учреждений; массовая безработица) свидетельствовали о начале резкого провала процветания промышленных текстильных городов. Развитие современных производств, основанных на внедрении и применении компьютерных технологий, усугубило обвал в текстильном производстве, где традиционно главную роль играл физический труд женщин-ткачих. Проникновение на внутренний рынок России и Польши дешевой швейной продукции китайского, турецкого (для российского рынка — и польского производства) способствовало падению значения национальной текстильной и швейной промышленности.

Современный город: внешний облик и «социальный капитал» жителей

Облик промышленного города, в социуме которого доминировал «рабочий класс», постепенно меняется и приобретает облик обслуживающего города с важнейшими краеведческими объектами, современной архитектурой, крупными супермаркетами, банками, культурными мероприятиями, фестивалями. Данные изменения отражаются на социальной структуре города: все больше увеличивается слой населения, занятого обслуживанием (работники коммунальных служб, системы ресторанного бизнеса и торговли, туристических фирм, культурно-массовых мероприятий, транспорта, безопасности и др.).

Падение значения текстильной промышленности в качестве ведущей от-

расли в Лодзи и Иванове привело к изменению их промышленного ландшафта. Произошло постепенное высвобождение промышленных объектов от производственных функций и в связи с этим — физического капитала в них. В городах прекратилось строительство промышленных объектов, здания промышленных предприятий переоборудуются для других целей. Например, в Лодзи некоторые здания промышленных предприятий после ремонта и переоборудования передаются университету, в них организуются музеи. В Иванове здания отдельных промышленных предприятий (фабрики им. Балашова, 8 марта, Красная Талка, камвольный комбинат, завода РИАТ) превращены в крупные торговые или развлекательные центры, некоторые предприятия частично сдали свои помещения в аренду торговым фирмам. В городском пространстве стало заметным явлением строительство частных автомобильных паркингов, заправок станций, станций по обслуживанию автомашин.

Изменения в городах коснулись и их архитектурного облика. Демонтаж помещений социалистической системы общественного питания в небольшие частные кафе и рестораны, казино и залы для игровых автоматов, танцполы сопровождался не просто перестройкой зданий, но и изменением облика фасадов, которые стали более светлыми. Города отряхивают свою былую однообразную некрасивость, они становятся более предпочтительными для жителей и гостей.

Заметным явлением стало возведение религиозных храмовых сооружений, возводятся православные церкви и культовые здания различных религиозных конфессий. Причем это строительство ведется в основном на тех местах, где раньше функционировали религиозные центры, разрушенные в ходе формирования внешнего облика нового пролетарского города Иванова. Несколько неожиданным стало возведение в городе мусульманской мечети, что является отражением утраты в городском социуме монополюльно русской идентичности. Подобная демократизация социальной жизни традиционно русского города Иванова дополняется еще и тем, что в нем зарегистрировано и функционирует множество национальных диаспор.

В процессе социально-экономических изменений в Лодзи и Иванове вырисовывается разделение города на социально-пространственные зоны, отражающие процессы поляризации населения, что характерно для многих городов — мегаполисов и мидлтаунов в Европе и США. В пространстве города появились территории с коттеджами, в которых проживают только состоятельные горожане, нередко это замкнутые территории, огороженные от городской среды. Появление на этой территории представителей андер-класса нежелательно или невозможно. С другой стороны, в городе сформировались социально-пространственные «обручи», напоминающие гетто, в которых проживают люди с низкими доходами. Такая поляризация вызывает напряженность во взаимоотношениях между жителями города, толкает определенную часть населения на криминальные действия.

Социальные изменения в обоих городах наиболее ярко проявились в лавинообразном повышении уровня безработицы, который значительно превысил ее уровень в других городах обеих стран. Иваново по данному показателю в 1990-е гг. был лидером в стране, уровень безработицы составлял 27–28 %, в Лодзи — 17,6 % (1995 г.) и 22,2 % (2002 г.). Сокращение числа промышленных предприятий и потеря работы тысячами людей сказалась на резком снижении жизнен-

ного уровня жителей этих городов, вызвала фрустрацию в сознании и поведении значительной массы людей, утрату уверенности в жизни, рост пауперизации и патологические явления (суицидность, наркоманию, социальную дезорганизованность, преступность).

Сложное социально-экономическое положение городов сказалось на демографической ситуации в них. Анализ демографических данных показывает, что в городах сохраняется четкая тенденция к сокращению численности населения. Так, за период с 1990 по 2000 гг. число жителей в Лодзи сократилось с 845,3 тыс. до 789,3 тыс. человек, жителей в Иванове за соответствующий период — с 486 до 421 тыс. человек. Причем в обоих городах сохраняется высокий коэффициент феминизации (в Лодзи на 1000 мужчин приходится 1190 женщин, в Иванове — на 1000 мужчин — 1260 женщин). Такой высокий коэффициент женщин в обоих городах сохраняется по преимуществу среди жителей старшего возраста, в основном старше 60 лет. В обоих городах сохраняется тенденция низкой средней продолжительности жизни, особенно это касается лиц мужского пола. Довольно четко наблюдается процесс старения населения. Лодзинский социум считается старейшим среди десяти крупнейших городов Польши (19,2 % населения пенсионного возраста). В Иванове эта категория составляет более 20 %. В обоих городах имеет место высокий уровень смертности (в Иванове уровень смертности в 2,6 раза превышает число родившихся), причем сохраняется высокий уровень младенческой смертности. Высок уровень смертности от неестественных причин: убийств, отравления от чрезмерного употребления алкоголя, суицидов. На негативное состояние демографии в городах влияет неустойчивость молодых семей, распад брачных пар. При сохраняющейся тенденции неблагоприятной демографической ситуации в недалеком будущем города могут столкнуться с проблемой обострения трудовых ресурсов (Рабочий край 2005; Ивановская земля 2005; Koter, Liszewski, Suliborski 2000).

Лодзь и Иваново постепенно превращаются в города, из которых мигрирует активная рабочая сила. Так, по оценке польского исследователя, из Лодзи «... уходят талантливые и предприимчивые люди, их решение чаще всего обосновано отрицательным мнением о городе и невозможностью достигнуть в нем финансового успеха» (Frykowski 2001: 141). Молодые жители Лодзи — выпускники лодзинских вузов все чаще ищут работу в Варшаве, поскольку то небольшое количество фирм, которое существует в городе, не дает шанса на развитие и соответствующую зарплату. Эта ситуация, прежде всего, объясняется низким уровнем иностранных инвестиций экономику Лодзи. По показателю инвестиционной привлекательности, принятому для больших городов Польши, Лодзь занимает всего лишь десятое место (Dziemianowicz 1998; Frykowski 2001; Nowakowska 1999; Majer 1997).

Похожая ситуация наблюдается и в Иванове. Социологические опросы показали, что «довольны жизнью в городе Иванове» лишь 19 % респондентов, абсолютно недовольны 20 %, причем 19,1 % планируют навсегда уехать из Иванова. 67,7 % респондентов считают, что будущее их детей должно состояться за пределами города. Характерно, что в большей степени планируют уехать из Иванова жители Ленинского района города (36,4 % респондентов). Это объясняется тем, что в Ленинском районе сосредоточены высшие учебные заведения, и мо-

лодежь стремится к поиску своего места в жизни. В меньшей степени состояние мобильности наблюдалось у жителей Советского района (планируют уехать 12,7%), где довольно силен частный сектор, люди имеют приусадебные участки, что снижает напряженность в случае потери рабочего места.

В предпочтениях к мобильности доминируют люди в возрастной группе от 18 до 29 лет, в наибольшей степени в этой возрастной группе планируемая мобильность проявляется у женщин (52,7%). Они планируют сменить традиционную профессию текстильного профиля на предлагаемую работу в столичном регионе или за границей — горничными, нянями, менеджерами в отелях. Относительно дохода к пожелавшим уехать из Иванова, в первую очередь, относятся люди с доходом до 4200 руб. (65,4%, данные на 2005 г.). В этой связи интересно отметить, что 31% респондентов с доходом до 12000 руб. также высказались за планируемый отъезд из Иванова. Предпочтение отъезда из города связано с уровнем образования жителей: уехать планируют люди с высшим — 31%, незаконченным высшим — 45,5%, средним специальным образованием — 16,4%. Таким образом, мигрант из города Иванова — образованный индивид, который не находит в городской среде условий для своей самореализации и соответствующего его способностям дохода. Оценивая состояние инвестиционной привлекательности города Иванова, следует заметить, что по сравнению с ближайшими городами Ярославлем, Костромой и Владимиром она самая низкая, что не способствует сохранению активной и интеллектуальной рабочей силы в городе.

Проследим оценку жителями городов деятельности отдельных сфер жизни города (лодзинские респонденты) и степень доверия городским службам со стороны жителей (Иваново). Жители Лодзи дали низкую оценку службам трудоустройства, (68,6% респондентов), качеству окружающей среды (69,6%), состоянию здравоохранения (59,2%), местной политике (47,5%), службам социального обеспечения (48,7%), полиции и городской охране (39,7%). Многие отмечали, что в настоящее время Лодзь является опасным для его жителей (39%) (ОВОР 2000).

При анализе состояния «социального капитала» горожан Иванова в качестве критериев брались такие составляющие, как: *степень доверия* коллегам по работе, соседям по месту жительства, родственникам, власти в городе, журналистам, ивановской милиции, церкви; *уровень связей* между людьми; *формы оказания помощи; активность жителей* в общественно-политической жизни города. Выяснилась следующая картина. Житель Иванова не замыкается в условиях непростой социально-экономической ситуации и в равной степени доверяет коллегам по работе (52,0%), соседям по месту жительства (52,5%), в большей мере — родственникам (85,0%). В меньшей степени жители города доверяют органам администрации города, власти (13,5%), представителей которой они обвиняют в корыстности, карьеризме, безразличии к проблемам населения, понижении социально-экономических позиций региона. Недоверие власти сформировалось также под влиянием скандалов, связанных с коррупцией, перераспределением собственности, неудачами в экономической и культурной политике. Низким оказалось доверие журналистам (25,0%), милиции (23,0%).

Следует обратить внимание на то обстоятельство, что в сложные жизненные периоды усиливается значимость соседских связей между людьми. Наиболее характерными для них являются такие формы отношений между людьми

ми как: совместное проведение свободного времени (53,5 %); обмен новостями (48,7 %); забота о больном человеке или ребенке (33 %); одалживание денег (45,5 %), оказание соседями друг другу каких-либо услуг (62,8 %) и др.

Трудности вызвало определение доверия респондентов к церкви. Чтобы выяснить это отношение, респондентам задавались вопросы косвенного характера: «*Принадлежите ли вы какому-либо религиозному приходу? Как часто посещает церковь (мечеть)? Оказываете ли материальную помощь церкви или религиозным общинам?*» Результаты показали, что **доверие церкви растет**, однако немногие говорили о принадлежности к церковному приходу, систематическом посещении служб. Материальная помощь в основном поступает со стороны состоятельных жителей города, частных предпринимателей, вносящих также пожертвования на строительство религиозных сооружений.

Определение «политического лица» жителей Иванова показало, что большинство ивановцев политически неактивны. Об этом свидетельствует отсутствие у них интереса к встречам с кандидатами накануне выборов: 69,8 % респондентов никогда не принимали участие во встречах с кандидатами в органы самоуправления, 22,9 % — редко. Еще меньший интерес проявляют ивановцы к кандидатам в президенты: 86,8 % не встречались с ними, 8 % делали это редко. 68,1 % указали, что никогда не убеждали своих соседей в необходимости участия в предвыборных кампаниях, более 90 % не вносили никаких денежных средств в пользу избирательной кампании за какого-либо кандидата в депутаты. Оценивая принадлежность жителей города Иванова к тем или иным политическим партиям (союзам, фондам), можно сказать, что здесь проявилась преемственность «отцов и детей», представители старшего и более молодого поколения состояли (состоят) в одной и той же партии (союзе). С другой стороны, четко проявляется разброс политических предпочтений и даже деполитизация самих жителей. Они не отдают большинства предпочтений какой-либо одной партии (союзу, фондам) или не интересуются политическими движениями. По данным социологического исследования об электорате политических партий в предвыборной кампании 2005 г., в городе можно наблюдать смену настроений избирателей от протестного типа голосования к более спокойному типу. Ивановская областная и городская КПРФ, «Родина» и партия пенсионеров — носительницы протестных настроений, имели в предвыборной кампании невысокий электорат и проиграла Единой России и ЛДПР.

В ходе анализа и интерпретации информации о «социальном капитале» города Иванова был применен коэффициент Пирсона, посредством которого определялась зависимость между различными переменными, свидетельствующая о достоверности полученных данных. Так, при определении идентификации жителей города Иванова с местом рождения по полу преобладает женская часть населения, что подтверждается высоким значением коэффициента Пирсона — 0,823. Социальная мобильность жителей города в настоящее время и в расчете на будущее, исходя из критерия пола респондентов, в большей степени проявляется у женщин, значение коэффициента Пирсона было равным 0,435 и 0,444. При определении зависимости критерия «коммуникативных связей» и пола респондентов выявилось значение коэффициента Пирсона — 0,637. Эти связи больше развиты среди женщин, что объясняется их большей эмоциональностью, открытостью, контактностью. Однако, например, взаимосвязи между участием ивановцев в

общественной жизни и полом выявлено не было, значение коэффициента Пирсона в данном случае оказалось равным 0, что говорит о равной степени общественной активности мужчин и женщин Иванова. Также низкое значение коэффициента (близкое к нулю) имело место при анализе связей между комфортностью жилья (наличие водопровода, канализации, центрального отопления), обустроенностью быта (наличие холодильника, автоматической стиральной машины и т. п.) и социально-демографическими характеристиками респондентов (пол, возраст, размер и источник доходов, уровень образования, социальный статус).

Таким образом, сравнение социальных изменений в городах — промышленных текстильных центрах России и Польши показало не только их историческую схожесть, но и близость их социально-экономического состояния в условиях модернизации социально-экономических систем.

Литература

- Барышников М. История делового мира России. М.: Аспект-Пресс, 1994.
- Безобразов В.П. Село Иваново // Отечественные записки. 1864. № 1.
- Гарелин Г. О начале и возрождении промышленного села Иваново в XVI–XVIII столетиях // Владимирские губернские ведомости. 1878. № 30.
- Гарелин Я. Город Иваново-Вознесенск, или бывшее село Иваново и Вознесенский Посад. Шуя. Ч. 1. 1884; Ч. 2. 1885.
- Ивановская земля. 2005. 27 октября, 10 ноября.
- Кашин В.Н. Крепостные крестьяне-землевладельцы накануне реформы. Л.: Изд-во АН СССР, 1934.
- Рабочий край. 9, 26 августа. 2005.
- Раскольников и острожники / Под ред. Ф. Ливанова. Т. 2. СПб.: Тип. П.П. Меркулева, 1872.
- Степанов А. Крестьяне-фабриканты Грачевы // Записки историко-бытового отдела Государственного Русского музея. Л.: Изд-во Русского Музея, 1928. Т. 1.
- Туган-Барановский М.И. Русская фабрика в прошлом и настоящем. М., 1994.
- Шепетов К.Н. Крестьяне шереметевской вотчины. М.-Л., 1949.
- Экземплярский П.М. История города Иваново. Иваново: Ивановское книжное издательство, 1958.
- Энциклопедический словарь проф. И.Е. Андреевского. СПб.: Акционерное издательское общество Ф. А. Брокгауза — И. А. Ефрона, 1892.
- Dziemianowicz W. Dokąd pyniesz kapitale // Rozwój regionalny. 1998. No 1.
- Frykowski M. Mieszkaccy miasta wobec środowiska lokalnego. Jydź jako przedmiot resentmentu // Jażdżewska I. (red.). Miasto postsocjalistyczne — organizacja przestrzeni miejskiej i jej przemiany. Cz. II, IV. Konwersatorium Wiedzy o Mieście. Łódź: ŁTN, 2001.
- Koter M., Liszewski S., Suliborski A. Łódź i region Polski środkowej. Łódź: ŁTN, 2000.
- Majer A. Globalizm i Łódź // Przegląd Socjologiczny. 1997. T. XLVI.
- Nowakowska B. Analiza zmian w liczbie i strukturze ludności w świetle prognozy pomigracyjnej // Michalski W. (red.). Społeczno-ekonomiczne problemy aglomeracji łódzkiej. Łódź: RCSS BRR w Łodzi, 1999.
- ОВОП. Mieszkańcy Łódzi o swoim mieście // Raport z badań, 2000.
- Starosta P. Globalizacja i nowy komunitaryzm // Kultura i bezpieczeństwo. 2000. No 3.